

А. Н. ИПАТОВ

Этноконфессиональная общность меннонитов на путях буржуазного развития

<Фрагмент>

<...>

Появление меннонитов в России связано с приглашением иностранцев на поселение по «колониационному манифесту», изданному царским правительством в 1763 г. Однако водворяться колониями они начали в 1789 г. по именному указу Екатерины II от 7 сентября 1787 г.

Первая партия меннонитов (228 семейств) поселилась на правом берегу Днепра в районе острова Хортицы, где основала 8 колоний — Хортицу, Розенталь, Эйнлаге, Кронсвейде, Нойенбург и др., впоследствии объединенных в Хортицкий меннонитский округ. В течение 1803–1804 гг. прибыло 362 семейства, для которых были отведены обширные безлесные земли в Таврической губернии около реки Молочные Воды. Здесь возникли колонии Гальбштадт, Мунтау, Шенау, Линденау, Лихтенау, Фишау, Мюнстерберг, Орлов и др., на основе которых был образован Молочанский меннонитский округ*. С 1804 по 1819 г. переселение меннонитов в Россию из Гданьского Поморья продолжалось, но было незначительным. В 1819–1820 гг. на молочанские земли приехало еще 254 семейства. В дальнейшем ежегодно иммигрировало сюда в среднем до 20 семейств**.

К началу 40-х годов они основали 43 деревни, в которых насчитывалось 995 хозяйств, владевших 68 537 десятинами надельной

* См.: Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869 (Приложение № 2). С. 31, 36.

** См.: Описание меннонитских колоний в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. I. Ч. 4. С. 4–7.

земли*. Наиболее богатые из них приобрели к этому времени свыше 44 тыс. десятин. Кроме того, меннониты арендовали более 65 тыс. десятин**. Они широко применяли наемный труд, уплачивая поденщику 14 руб. за вспашку десятины под пшеницу, ее посев и боронование. На молотье хлеба поденщику платили немногим более рубля за 12-часовой рабочий день***, косарю — 1,5 руб. Поденную плату (от 60 коп. до 2 р. 25 к. ассигнациями) меннониты определяли в зависимости не только от времени и вида сезонных работ, но и от степени «силы, искусства и проворства в работе поденщика». При этом учитывалось также его безропотное повиновение****.

Кроме сезонных наемных рабочих в молочанских колониях насчитывалось в описываемое время 242 батрака из окрестного населения и 84 — из меннонитской среды*****. Последние были в качестве прислуги у своих родственников. В 1866 г. в хозяйствах этих колоний работало уже 1374 батрака из числа русских, украинцев и других неменнонитских колонистов*****.

Батракам-мужчинам меннониты платили от 120 до 150 руб. в год и обеспечивали питание их. Нетрудно представить себе величину этого заработка, если учесть, что лошадь, которую можно было купить у тех же меннонитов, стоила 200–300 рублей 7*.

Эксплуатация наемного труда происходила и на более утонченной основе. Так, один из крупнейших меннонитских фермеров, Иван Корнис, начиная с 1826 г. стал раздавать своих овец ногайцам с тем условием, что маток они должны через 6 лет возвратить, а их приплод разделить с ним пополам. Ногайцы обязывались сохранять поголовье и содержать овец на своих пастбищах. С 1832 г. Корнис изменил условия: овец передавал

* См.: Быт молочанских меннонитских колоний // Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1841. Кн. II. Ч. 1. С. 554.

** См.: Описание меннонитских колоний в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. I. Ч. 4. С. 9.

*** Там же. С. 31.

**** Корнис И. О состоянии хозяйства в Молочанских меннонитских колониях в 1843 году // Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1844. Ч. XI. С. 142.

***** Там же. С. 143.

***** См.: Клаус А. Наши колонии. С. 163.

7* См.: Описание меннонитских колоний в России // Журнал Министерства государственных имуществ, 1842. Кн. I. Ч. 4. С. 15.

теперь только на 4 года; при этом делил с подрядчиками и приплод, и маток. (Обычно одному хозяину он давал 50 овцематок и следил за их содержанием.) К 1840 г. на этих условиях ногайцы пасли 11 тыс. овец Корниса*. Если предположить, что половина маток давали приплод только по одному ягненку, то, по самым грубым подсчетам, ногайцы своим трудом увеличивали ежегодный доход Корниса на 50 тыс. руб.

Эксплуатация наемного труда позволила меннонитам сосредоточить в своих руках огромные капиталы, за счет которых они значительно увеличили собственное землевладение. В 1866 г. их земельная собственность составляла около 300 тыс. гектаров удобной земли**.

Рост крупного землевладения особенно наблюдался в молчанских меннонитских колониях. Здесь в распоряжении только одного имения находилось 15 тыс. десятин, в двух — по 10 тыс., в четырех — почти по 7 тыс., в следующих четырех — от 4 до 4,5 тыс., в одиннадцати — от 2 до 3 тыс., еще в одиннадцати — от 1,5 до 1,8 тыс., в шестнадцати — от 1 до 1,4 тыс., в двадцати девяти — от 500 до 1000 десятин и в 126 хозяйствах — от 100 до 500 десятин земли***.

Высокая обеспеченность меннонитов землей особенно наглядна по сравнению с русским крестьянством. В Новоузенском уезде Самарской губернии, куда меннониты переселились в 1854–1850 и в 1873–1874 гг., на каждое хозяйство приходилось почти в 5 раз больше земли, чем на хозяйство русского крестьянина. На один надельный двор меннониты имели по 93 десятины земли, немцы-колонисты — по 27,3, государственные крестьяне — по 29,7, удельные крестьяне — по 19,0, помещичьи на выкупе — по 14,0, помещичьи на дарственном наделе — по 5,8 десятины****.

Многие из обедневших крестьян вынуждены были идти в батраки к меннонитам. В Самарском уезде на каждого меннонитского хозяина трудилось в среднем по 4 работника*****, а в меннонитских

* См. там же. С. 19.

** См.: *Клибанов А. И.* Меннониты. М.; Л., 1931. С. 50.

*** См.: *Бондарь С. Д.* Секта меннонитов в России. Пг., 1916. С. 65–66.

**** См.: *Бла-ский В. П.* Меннониты // Саратовская земская неделя. 1904. № 10. С. 62.

***** См.: *Красноперов И.* Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // Русская мысль. 1883. Кн. X. С. 60.

колониях на юге России работало накануне Первой мировой войны до 15–20 тыс. русских и украинцев. В сезонную пору (с марта по октябрь) число наемных рабочих возрастало до 40 тыс. человек*. Вот почему меннониты в оптимальные агротехнические сроки проводили сев зерновых культур, их уборку, вспашку зяби и получали более высокие урожаи, чем русские крестьяне, немецкие и другие колонисты в России.

Однако следует заметить, что и русские крестьяне (духоборцы, молокане, жившие по соседству с меннонитами на Молочных Водах), имели не менее блестящие успехи в производстве сельскохозяйственных продуктов, когда им удалось поставить себя в силу ряда обстоятельств вне крепостнических отношений. Высоких результатов меннониты достигали также благодаря огромным социально-экономическим привилегиям, полученным от царского правительства, свободе от крепостничества.

Разумеется, меннониты получали высокие урожаи и за счет более рациональной по сравнению с русским крестьянством системы полеводства. Почти все они, за редким исключением, применяли пятипольный севооборот. Позднее в этот севооборот вводят травосеяние. Имея неплохую по тому времени техническую оснащенность (одно-двух-трехкорпусные железные плуги, бороны с железными зубьями, катки, буккеры и пр.) и достаточное количество рабочего скота, они значительно лучше обрабатывали почву.

Русские крестьяне, особенно малоземельные бедняки, и не помышляли о таком севообороте. Никто из них не заботился о тщательной обработке своих наделных полосок, их удобрении, поскольку при очередном общинном переделе земли эти полоски переходили к другим владельцам.

В отличие от русских крестьян, меннониты были заинтересованы в старательном уходе за своими земельными наделами, поскольку последние навечно закреплялись за каждым хозяйством по принципу потомственного наследования без права дробления их между членами семьи.

Это право наследования земельной собственности, как свидетельствует А. Клаус, заключалось в следующем: «...двор-хозяйство меннонита (то есть усадебная оседлость, необходимый для ведения хозяйства рабочий инвентарь, право выпаса и полевой надел)

* См.: *Кривохатский М.* Менноніти на Україні. Харків, 1930; *Рейнмарус А.* Меннониты // *Антирелигиозник.* М., 1938. № 1. С. 48–49.

по праву наследования в действительности никогда не делится; он, как нечто целое, переходит в единоличное потомственное пользование... того из прямых наследников, который признан благонадежным для успешного продолжения хозяйства...»* «Наиболее благонадежный» преемник (один из сыновей, которым чаще всего оказывался младший, дольше других живший в семье отца и постепенно перенимавший функции главы хозяйства) обязывался в определенные сроки выплатить остальным сонаследникам причитающуюся им долю наследства. Дворохозяйство могло переходить, в случае если не оказывалось преемников, в собственность любого колониста, но только меннонита, который покупая его на аукционе. При этом на первых порах «двор-хозяйство» приобретал только тот меннонит, который давал за него самую высокую цену на аукционе при условии, если он не являлся владельцем 65-десятинного надела и принадлежал к меннонитской сельской общине, распространявшей свою юрисдикцию на продаваемый «двор-хозяйство». Такая норма поземельных отношений внутри самих колоний, выражавшая формальное равенство меннонитов, выдавалась ими за следование принципам, на основе которых якобы строилась жизнь общин первых христиан. Однако это не мешало им арендовать земли у своих обедневших единоверцев. Установившийся порядок наследования до поры, до времени устраивал только хозяев земельных наделов. Решительно сохраняя его, они заявляли: «Мы не можем поступиться нашими правилами наследования даже в малейших частностях. С одной стороны, правила эти самым тесным образом связаны с нашими религиозными воззрениями и порядками, и даже основываются на них. С другой стороны, правила эти содействуют нашему хозяйственному преуспеянию, упрочивая наш семейно-имущественный быт»**.

Этот порядок поземельных отношений удавалось сохранять, пока были запасные земли, которые нарезало им царское правительство, учитывая прирост колонистов. Но поскольку на запасные земли селились, как правило, сынки состоятельных меннонитов, способных выделить своим наследникам не менее 2–3 тыс. руб. для создания нового «образцового 65-десятинного хозяйства», то в 40-х гг. XIX столетия процесс обезземеливания их собратьев

* Клаус А. Наши колонии. С. 158.

** Там же. С. 159.

по вере заявил о себе в полную силу. Анализируя этот процесс, А. Клаус пишет, что «в 1841 году Молочанский округ накопил уже более 1700 безземельных семейств на 1033 хозяина»*. К этому времени были исчерпаны все земельные резервы, а поэтому, как отмечает А. Клаус, «в состав безземельного класса уже около 1840 года входил почти весь процент нарождавшегося населения»**.

Меннонитским хозяевам пришлось поступиться своими порядками наследования. Началось дробление надельных участков. В результате этого перераспределения земельной собственности количество семейств, владевших наделами, достигло в 1851 г. в молочанских колониях 2109. В то же время 844 семейства по-прежнему оставались здесь без усадеб, полевых наделов и проживали в наемных квартирах***. Однако и положение владевших земельными наделами было далеко не однозначно. В том же Молочанском меннонитском округе в 1867 г. насчитывалось владельцев 65-десятичных наделов — 1290, получивших дробные (половинные) наделы — 322. Те и другие относились к разряду хозяев (Wirte). Так называемых Anwohner'ов было 1493, из них 1304 владели полудесятичными усадьбами и 12-десятичными наделами, остальные — полудесятичными усадьбами без наделов. 1304 семейства являлись Einwohner'ами (безземельными)****.

Процесс обезземеливания как следствие капиталистического развития колоний охватил вскоре и меннонитов более позднего переселения. В Новоузенском уезде в 1888 г. (т. е. спустя 20 лет после их переселения) насчитывалось 25 безземельных семейств из имевшихся здесь 190 меннонитских хозяйств. Через десять лет доля безземельных возросла до 21% в основном за счет разорения владельцев 65-десятичных наделов. Количество их сократилось почти наполовину, увеличив на 20 дворов число домохозяйств, сосредоточивших в своих руках от 130 до 400 десятин земли. Один только торговый дом Миллера скупил все подворные участки с постройками и домами колонии Гансау общей площадью в 1625 десятин удобной и 218 десятин неудобной земли*****.

* Клаус А. Наши колонии. С. 167.

** Там же. С. 168.

*** Там же. С. 162.

**** См.: Клаус А. Община-собственник и ее юридическая организация // Вестник Европы. Т. I. Кн. 2. СПб., 1870. С. 595.

***** См.: Колесников Г. И. Культурное хозяйство в некультурном крае. Саратов, 1908. С. 33, 52–54.

Увеличение армии безземельных обостряло проблему их занятости, которая встала перед меннонитами уже к началу 40-х годов прошлого столетия. Со своим проектом решения этой проблемы выступил тогда Иван Корнис, предложивший основать в колонии Гальбштадт специальное поселение для безземельных, охватив их мелкотоварным производством. При этом он считал, что каждое семейство ремесленников необходимо наделить тремя десятинами земли для посева хлеба и содержания скота. Царское правительство пошло на эту меру и предложило меннонитским хозяевам уступить 800 десятин земли, примыкающих к месту нового поселения будущих ремесленников, в обмен на равнозначный участок. Заполучив его, гальбштадтские хозяева сделали все, чтобы не отдать свои 800 десятин безземельным поселенцам, и намерения Корниса, которые при благоприятном исходе дела могли бы сыграть роль временной отдушины, не увенчались успехом.

Проект Корниса предусматривал развитие преимущественно крестьянских промыслов, сохранение ремесленниками связи с землей и сложившихся традиций в мелкотоварном производстве. Он был основан на обилии мелких колонистских заведений, хозяева которых были, как правило, одновременно и собственниками небольших усадеб. В то время действовало в молочанских колониях 4 кирпичных завода, 4 сукновальни, 10 красилен, суконная фабрика, винокуренный и 4 уксусных завода, пивоварня, 19 маслобоен, 5 водяных, 19 крупяных и 38 усовершенствованных голландских ветряных мельниц, 61 кузница, в которых работало 629 колонистов. Среди них было 294 меннонита, прикрепленных к своей колонии земельным хозяйством*. Характеризуя подобное явление, В. И. Ленин писал, что «в мелком товарном производстве промышленник еще совершенно не вылупился из крестьянина; он остается в большинстве случаев земледельцем, и эта связь мелкой промышленности и мелкого земледелия настолько глубока, что мы наблюдаем интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии»**.

Наряду с этим процессом в меннонитских колониях продолжался рост мелких заведений. К 60-м гг. XIX в. количество их уве-

* См.: Описание меннонитских колоний в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. I. Ч. 4. С. 24–25.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 546.

личилось почти в два раза. Возникли кожевенные, гончарные заводы, шелкомотальные фабрики*. Однако и они не выходили за рамки мелких промысловых заведений и специализировались в основном на переработке сельскохозяйственной продукции и производстве земледельческих орудий. Продукция этих заведений шла в большей мере на удовлетворение потребностей самих колонистов. В 1866 г. из произведенной в молочанских колониях продукции на 150 тыс. руб. было продано окрестному населению телег, плугов, борон, буккеров и других изделий на 61 862 рублей**. Развитие производства в мелких промыслах, говоря словами В. И. Ленина, «идет вслед за развитием крестьянского хозяйства; рынок крайне узок, расстояние от производителя до потребителя невелико, ничтожные размеры производства легко приспособляются к мало колеблющемуся местному спросу. Поэтому наибольшая устойчивость характеризует промышленность на этой стадии, но эта устойчивость равносильна застою техники и сохранению патриархальных общественных отношений, опутанных всяческими остатками средневековых традиций»***. Такое развитие промышленности обуславливалось феодальными путями дореформенной России.

Однако в этих мелких промыслах, возникавших в меннонитских колониях, повсеместно складывались капиталистические отношения, которые в силу своего слабого развития не носили ярко выраженного характера. Более того, они затушевывались совместной деятельностью владельцев мелких заведений и наемных рабочих в процессе производства продукции. После отмены крепостного права мелкие промыслы разрастались в крупные, но по-прежнему сохраняли свои связи с землей. Обращает на себя внимание история с ремонтной мастерской сельскохозяйственных орудий, основанной братьями Эпп в 1883 г. в колонии Гансау (Новоузенский уезд Самарской губернии). Уже в 1893 г. эта мастерская стала изготавливать конные молотилки и разбросные сеялки. Своего расцвета она достигла после перебазирования в колонию Кеппенталь (Новоузенский уезд), наладив фабричное производство сеялок. Рынком сбыта этой продукции стали Саратовская, Пензенская, Курская, Орловская

* См.: Клаус А. Наши колонии. С. 164.

** Там же. С. 164.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 545.

и другие губернии. Другой пример. В 1868 г. братья Классены организовали в Мелитополе производство плугов, а в 1880 г. — хлебоуборочных машин. Накануне и в ходе Первой мировой войны на их заводе производились тысячи различных сельскохозяйственных машин. В 1870 г. они же установили небольшую паровую мельницу и вскоре довели ее ежедневную производительность до 150 пудов зерна. Зять Классенов Я. Я. Нейфельд построил в 1907 и 1912 гг. еще две крупные паровые мельницы. Объединив их, фирма «Классен и Нейфельд» стала молотить ежегодно по 2 млн пудов зерна. Меннонит И. Г. Тиссен, открывший в Екатеринославе паровую мельницу, также увеличил ее производительность с 1500 до 5500 пудов зерна в день. Крупные мукомольные предприятия были созданы меннонитами Гезе, Тевсом, Пеннером, Фастом, Нибуром, Унгером и другими в Хортице и Александровске, Вилмсом — в Гальбштадте*. Ежегодный товарооборот, например, «Товарищества для производства муки Нибур и К°» составлял накануне Первой мировой войны 3 млн руб., паровой мельницы Тиссена — 1,5 млн, паровой мельницы Зименса в Никополе Екатеринославской губернии — 800 тыс. руб. Не менее значительными были и такие промышленные предприятия, как машиностроительный завод Коопа в г. Александровске (ежегодный оборот 500 тыс. руб.), машиностроительные заводы Лепа и Вальмана в Хортице, Александровске и Павлодаре Екатеринославской губернии, производившие лобогрейки, жнейки-сноповязалки, другие земледельческие орудия на 1 млн руб. в год. Все имущество меннонитов оценивалось по состоянию на 1 января 1914 г. в 276 млн рублей**.

Поэтому когда события 1905 г. заставили меннонитскую буржуазию определить свою политическую позицию, то она не колеблясь примкнула к такой контрреволюционной классовой организации, как «Союз 17-го октября», представлявшей и защищавшей интересы крупной торгово-промышленной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически. Выражая монархические взгляды меннонитской верхушки, П. М. Фризен по этому поводу писал: «...мы (мы говорим о большинстве) выбрали партию “17 октября” или “октябристов”». Меннонитские

* См.: *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. С. 195–197.

** См.: *Бондарь С. Д.* Секта меннонитов в России. С. 64, 68.

хозяева говорили, что если бы была партия еще правее, то они избрали бы именно такую партию*. «Не удивительно, — свидетельствовал далее П. М. Фризен, — что в связи с общими социально-политическими чувствами наших меннонитов один меннонит стал председателем отделения «Союза русского парода» в одном из южных городов». Автор не без горечи замечал, что по поводу этого меннонитского председательства ходили среди русских людей «злые насмешки»**. В рассуждениях Фризена четко проглядывается общее социальное лицо меннонитской капиталистической верхушки и черносотенного «Союза русского парода».

Зажиточные меннониты полностью поддерживали царское правительство, его внутреннюю и внешнюю политику. Своих единоверцев они воспитывали в духе преданности к самодержцу «всея Руси», передавая из поколения в поколение рассказы о царях и о приемах ими меннонитских духовных старшин. Даже школьные учебники пестрели хвалебными повествованиями о русских царях. На стенах своих комнат меннонитские хозяева развешивали портреты членов царствовавшей фамилии. В честь ее они давали названия своим колониям. В Оренбургской губернии колонии Алисово, Николаевка, Федоровна получили эти названия «в память восшествия на престол государя императора и бракосочетания его с принцессою Алисою Гессен-Дармштадтскою», ставшей императрицей Александрой Федоровной. По фамилии сидевшей на троне династии была названа здесь еще одна колония — Романовка***. Свои верноподданнические чувства меннониты именовали «национализмом», который, по словам П. М. Фризена, у «истинно русских людей» отчетливо проявляется в исполнении воли царя, в антипатии и страхе перед демократизмом, со-

* Представители меннонитской верхушки считали даже чересчур «левыми» политические требования кадетов, хотя и имели с ними тесные связи благодаря участию в христианско-политической организации «Союз свободы, правды и миролюбия», созданной ими совместно с руководителями буржуазно-либерального течения в баптизме (см. подробнее об этом: *Лялина Г. С. Либерально-буржуазное течение в баптизме (1905–1917 гг.) // Вопросы научного атеизма. Вып. 1. М., 1966. С. 316–322.*

** *Friesen P. M. Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Rußland (1789–1910), S. 525.*

*** *Кудрин И. В. Немецкие колонии в Оренбургском уезде. Очерк // Оренбургская газета. 15 февраля 1901 г.*

циализмом и всем тем, что «пахло революцией». Не менее 75% меннонитов, по утверждению Фризена, были «истинно русскими людьми» в великодержавном, монархистски-патриотическом и социальном духе*. Вряд ли можно дать лучшую оценку классовой сущности меннонитства.

* *Friesen P. M.* Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Rußland (1789–1910). S. 525.